

Виктор Астафьев принадлежит к поколению писателей, детство и юность которых пришлись на неимоверно трудные годы. Он полной мерой испытал сиротскую долю, почти подростком ушел на войну, был тяжело ранен. После войны работал грузчиком, слесарем, литейщиком. Житейский опыт стал для В. Астафьева неиссякаемым источником творчества. Его первые рассказы, а затем и повести «Стародуб», «Перевал», «Звездопад», «Кража» обратили на себя внимание читателей и критики реалистическими картинками жизни, богатством языка, силой характеров.

Повесть «Последний поклон», заключительные главы ко-

Книжное обозрение, 1978, 24 марта

ЗИМА в Вологде... Хрусткий морозный воздух, серебряная вязь заиндевевших деревьев. За ними — белокаменный Софийский собор с безупречно строгими пропорциями. Еще дальше — застывшая река в морозной дымке, деревянные дома, блеклое солнце на бледно-голубом небе.

В такой зимний день я пришла в Вологду.

Дом — возле реки. Вхожу. Приглашают пить чай с рябиновым вареньем. Вспоминаем, по случаю, «Угощаю рябиной» Александра Яшина. Не отсюда ли чувство земли, обостренное ощущение природы у вологодских писателей?

— Да, Яшин любил русский Север, его природу и его людей, — говорит Виктор Петрович. — Он был одним из тех, кто закладывал основы нашего писательского содружества. Теперь имена Василия Белова, Сергея Викулова, Александра Романова, Виктора Коротаева, Ольги Фокиной известны широко. Сдружились мы еще во время учебы в Литинституте и на Высших литературных курсах. А после учебы съехались в Вологду. И не все ведь местные уроженцы. Я и сам — сибиряк, в Перми жил долго. Вологду, однако, полюбил, душой сросся с этим краем.

Нельзя сказать, что у нас писателей-вологжан, много общего. Разве понимание самой роли литературы. В остальном все мы очень разные. Роднит, конечно, деревенская тема, но и она — только исток, творческая почва. Дальше каждый идет своим путем вглубь, ищет свои формы выражения.

Спрашиваю. Виктора Пет-

ровича о его понимании творческой задачи.

— Стремлюсь быть современным читателя. Считаю неизменным условием творчества доверительность общения с читателем, искренность интонации. Важно, чтобы исчезало ощущение книжности. Ради этого приходится подчас жертвовать и интересными темами, и красотами стиля. Безжалостно все это отсекаю. В новых работах («Царь-рыба» и «Последний поклон») усложняю письмо. Конечно, насколько сам

могу судить. Не терплю дилетантства в литературе. Писатель обязательно должен быть мастером своего дела. Естественно, при наличии многих других человеческих качеств.

Речь заходит о содружестве «писатель — читатель».

— Читатели, безусловно, влияют на развитие и углубление авторского замысла, прямо воздействуют на процесс творчества. Есть у меня такие письма, в которых читатели сообщают: прочли книгу вслух, всей семьей. Что может быть дороже таких признаний! Я даже мечтаю составить книгу для чтения вслух. Хотел бы включить в нее лучшие произведения или отрывки из них Валентина Распутина, Евгения Носова, Василия Белова и других писателей и поэтов.

Беседуем об истоках творчества, о первых литературных шагах.

— Писать начал, когда ра-

торой напечатаны в журнале «Наш современник», с особой силой выразила эти замечательные качества писателя. Это человеческая исповедь, сказ об истоках жизнестойкости русского характера, воспитательной силе труда, о преодолении жизненных невзгод.

Заметим, кстати, что повести Виктора Астафьева «Последний поклон» и «Царь-рыба» вновь выйдут в этом году отдельными изданиями.

Недавно наш корреспондент побывал в Вологде у Виктора Петровича Астафьева. Публикуем беседу с писателем.

ботал в газете «Чусовской рабочей». Писал в основном по ночам. Рассказы той поры вошли в сборник «До будущей весны». Они и положили начало моему литературному пути.

Большинство моих вещей в общем-то получало доброжелательные отзывы, однако частенько критики напирали на то, чтобы читатель был ко мне поносительнее, подвинулся бы «самородку из глубинки». Сначала это смешило меня, а потом стало злить. Решил учиться, чтобы не ос-

таться литературным полудиком. Ну, и, конечно, много читал.

Спрашиваю о любимом жанре, об отношении к творческому процессу.

— Любимый жанр — это, если можно так назвать, — рассказ-глава. Строю произведение так, чтобы его можно было расчленить на самостоятельные рассказы. Черновик пишу быстро. Потом уже все лишнее «отжиماю». Каждая глава, по моему убеждению, должна иметь логическое завершение.

Писательский труд — беспрестанный поиск, порой изнуряющий, доводящий до отчаяния. Всегда со страхом приступаешь к новой вещи и пока ее не закончишь — не знаешь покоя. В таком отношении к литературному творчеству меня постоянно укрепляет пример моих товарищей по перу — Евгения Ивановича Носова, Василия Ивановича Белова, Сергея Павловича Залыгина...

Задаю традиционный вопрос: над чем работает писатель?

— Сейчас отдыхаю, думаю о будущей работе. Есть предложения от «Мосфильма» на картину по «Перевалу» и от «Ленфильма» — на сценарий по «Царь-рыбе». Предлагают работать на телевидении. Все это заманчиво и интересно. Что удастся сделать, время покажет. К новому большому произведению пока не приступал. Хочется подумать, почитать... Последнее время перечитываю Гоголя. Открыл его для себя вновь. Люблю возвращаться к классике через большие промежутки времени. Почти всегда делаешь открытие для себя, узнаешь то, чего раньше не видел. Так было у меня со Львом Толстым, Пушкиным. Хочу перечитать Лескова, Короленко... У каждого возраста свои книги.

— Виктор Петрович, с какими издательствами вам приходится работать чаще?

— С «Художественной литературой» и «Молодой гвардией». Хочу сказать доброе слово о своих редакторах Валентине Александровне Борисовой и Зинаиде Трофимовне Коноваловой.

Разговариваем еще о многом: о журналистике, театре и кино, актерском ремесле, многосерийных телефильмах.

Прощаюсь. На улице ночь — северная, морозно-туманная — «тихая зимняя ночь».

Думаю о человеке и писателе Викторе Астафьеве. О том, как он умеет сосредоточиться на главном, глубинном, отсесть все несущественное, второстепенное, добраться до корней, до истоков.

Л. ГАВРИЛОВА.